

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-104-113

© Т. В. Федосеева, © Н. И. Тангаева

«КНИЖКИ ДЛЯ НАРОДА» В РОССИИ 1840-х ГОДОВ: М. Н. МАКАРОВ

Печатные издания, специально предназначенные для народного чтения, широко распространились в России во второй половине XIX века. В Энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона «народная литература» была разделена по типу функционирования на два вида: к первому отнесены издания преимущественно развлекательного характера (в узком смысле — лубочная литература), ко второму — «произведения, специально составленные или изданные для народного чтения с целями просветительными (популярно-народная литература)».¹ В дальнейшем градация получила иные обозначения: первый вид был определен как «литература народа», второй — как «литература для народа».² В. Г. Базанов от такого деления отказался, сделав акцент на связи «народной книги» с устным народным творчеством.³ Современными исследователями издания такого рода рассматриваются в контексте социокультурной традиции почитательства образованного класса о народе и его просвещении.⁴ Их распространение в России 1840-х годов связывают с укреплением в деятельности Министерства народного просвещения, возглавляемого в 1833–1843 годах С. С. Уваровым, принципа государственности, сформулированного через три ценностно-исторические константы: «Православие. Самодержавие. Народность». Главную роль в оформлении жанра специалисты не без основания отводят В. И. Далю, указывая также на определяющее значение альманаха и сборников типа «Сельского чтения» (1843–1846) В. Ф. Одоевского и А. П. Заблочно-Десятовского, которые называют «крестьянскими» или «народной хрестоматией».⁵

Сочинения малоизученного русского писателя, фольклориста и этнографа Михаила Николаевича Макарова (1785/1789–1847) в данном контексте нами рассматриваются впервые. Заслужив у современников репутацию легкомысленного человека и недобросовестного перелатателя фактов, до недавнего времени он оставался в отечественной науке фигурой одиозной, а его вклад в развитие отечественной словесности не привлекал внимания исследователей. Ситуация изменилась в 1990-х годах, когда была поставлена задача дать объективную оценку деятельности Макарова как писателя и фольклориста, отразившего момент становления исторической методологии в российской филологии и фольклористике.⁶

В настоящей публикации осуществлен жанрово-стилевой и контекстуальный анализ сочинений писателя, вошедших в сборник «Московские рассказы о бедных» (1840), а также опубликованных отдельными книжками — «Московский калач» (1841)

¹ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Народная литература // Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. СПб., 1897. Т. XXа. С. 572.

² Соколов Ю. М. Народная литература // Литературная энциклопедия: В 2 т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина [и др.]. М.; Л., 1925. Т. 1. А–П. Стб. 474.

³ Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л., 1983. С. 63.

⁴ См.: Тиманова А. Р., Тиманова О. И. Связанность российской «книги для народного чтения» с почитательством о народе как социокультурная традиция XIX столетия // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2 (34). С. 31–37.

⁵ См.: Шаповалова Г. Г. Опыт создания первых книг для народа («Матросские досуги» В. И. Даля) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. II / Отв. ред. Р. С. Липец, В. К. Соколова. С. 58–70; Юган Н. Л. Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В. И. Даля как книги для народного чтения // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2009. Т. 2. № 2. С. 106–116.

⁶ См.: Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь: В 5 т. М., 1994. Т. 3. С. 468–470; Иванова Т. Г. Макаров Михаил Николаевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб., 2018. Т. 3. С. 371–379.

и «О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского» (1843), с целью уточнения и конкретизации представлений о раннем периоде распространения в России предназначенных для народного чтения изданий двух направлений — нравоучительного и образовательного.

В конце 1790-х годов Макаров обучался в Московском университетском благородном пансионе. Он был вхож в литературные круги и приобрел значимые для дальнейшей деятельности знакомства с такими писателями, как И. И. Дмитриев, А. Ф. Мерзляков, Д. И. Хвостов, В. Л. Пушкин и др. Эмоциональная натура начинающего писателя предопределила характерные для раннего творчества увлечение стилистикой сентиментализма, стремление к детальной передаче любовных переживаний персонажа, обращение к изящному образу читательницы, а также участие в нескольких не самых популярных периодических изданиях: «Журнал для милых» (1804), еженедельник «Московский курьер» (1805–1806), «Московский вестник» (1809), «Журнал драматический» (1811). Духу времени отвечал интерес Макарова к народному творчеству, вылившийся в издание сборника «Русское национальное песнопение» (1809) с пояснениями и рассуждениями составителя в виде «Кратких исторических известий о национальном российском песнопении». В сборник вошли суждения о его стилистической и стихотворной специфике, а также Введение и заметки «От издателя». По нашим наблюдениям, структура сборника и комментарии к текстам отразили переходный момент в отношении к фольклору — от просветительской оценки его как эстетически не совершенной формы словесного творчества к признанию поэтической значимости его исторического функционирования.⁷ Как один из любителей русской старины, Макаров вел собирательскую деятельность в области археологии и этнографии, которая послужила рядом публикаций 1810–1830-х годов в журналах «Сын отечества», «Вестник Европы», «Труды Общества любителей Российской словесности», «Московский телеграф», «Телескоп». Как этнограф и фольклорист, он много сделал для описания исторических памятников Рязанской губернии, а также местных праздников, верований, обычаев и обрядов, преданий, сказок, песен, былин.⁸ Результатом многолетних упорных разысканий стали оригинальные статьи и очерки 1840-х годов. Между тем отношение к его этнографической деятельности и литературному творчеству среди современников было неоднозначным. Труды в области фольклористики поддерживали такие крупные специалисты, как З. Доленга-Ходаковский, А. А. Прокопович-Антонский, К. Ф. Калайдович и О. М. Бодянский, в то время как В. Г. Белинский отзывался о них скептически. Значительное расхождение во мнениях в данном случае, скорее всего, было обусловлено различной направленностью критики: первые обращали внимание на новизну и значимость публикуемых Макаровым материалов, а второй — на комментарии к ним, нередко носившие характер вольных интерпретаций. В 1840-х годах, несмотря на резкую и не всегда справедливую критику с позиций набравшей влияние философии позитивизма, писатель придерживался романтической концепции народной культуры, считая ее почвой для единения сословий, напряжение между которыми росло и требовало разрешения. Одним из путей преодоления расколотости нации многие современники Макарова считали просвещение, распространению которого в России благоприятствовала общая направленность литературного творчества первой трети XIX века на обретение самобытности. На фоне литературных дискуссий данного периода Ю. М. Лотманом выделяется фигура И. А. Крылова, который решительно противопоставил «книжной мудрости» — «мудрость жизненную» и обратил читателя «к здравому смыслу каждодневного опыта, народному толку».⁹ На волне роста в стране национального самосознания, связанного также и с победой над Наполеоном, русскими писателями

⁷ См.: Федосеева Т. В. «Русское национальное песнопение» (1809) М. Н. Макарова в контексте зарождения русской фольклористики // Рязанский край в контексте русской литературы: Очерки регионального литературоведения. Рязань, 2017. С. 91–106.

⁸ Иванова Т. Г. Макаров Михаил Николаевич. С. 375–377.

⁹ Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971. С. 8 (Библиотека поэта. Большая сер.).

создавались сочинения, предназначенные непосредственно для грамотного человека из народа и обнаруживающие основания духовно-нравственного фундамента русской жизни.

В 1818 году в рецензии И. В. Киреевского была отмечена одна из первых таких публикаций — «народная повесть» Ф. Н. Глинки «Лука да Марья». Критик приветствовал появление «маленькой книжки» «для народа» и отозвался о труде писателя как о «добром» и «благодетельном». Повесть Глинки он трактовал с точки зрения выраженного в ней нравственного чувства и умственной потребности простого русского человека к развитию, придавал произведениям подобного толка охранительное значение в противостоянии разрушительному влиянию второсортной литературы развлекательного характера. Киреевский предупреждал, что неискушенному в знании человеку из народа может навредить приобщение «к самой вредной, самой пустой, самой невежественной литературе».¹⁰ В Глинке он видел человека «с дарованием, любящего отечество и его будущую судьбу, пишущего не по заказу, но по внутренней необходимости и знающего народ наш не по слухам», который противостоит «искажению народных мнений».¹¹ История Луки, считает критик, проистекает из отношений, известных автору не понаслышке, и особенно ценна как поучительный пример исправления человеком собственной жизни.

Таким образом, сложившаяся у Киреевского концепция народного чтения включала соответствие пользе для читателя из народа в утверждении морали, которая извлекается из обстоятельств действительной русской жизни, в глубоком патриотизме, в укреплении российской государственности.

Между тем ко времени создания анализируемых рассказов Макарова явно обозначилась дискуссионность самого вопроса о народном чтении. Отношение к нему определялось тяготением участников дискуссии к западническим или славянофильским умонастроениям. Первые ратовали за внедрение знаний европейской цивилизации и влияние образованного сообщества «русских европейцев» на духовное и нравственное состояние людей из простого народа. Вторые считали это знание вредным, при этом грамотность — необходимой: «...*направление* народного образования должно стремиться к развитию *чувства веры и нравственности* преимущественно перед *знанием*, — писал Ив. Киреевский, — лучшее средство к сей цели есть *изучение словенского языка*, дающее возможность *церковному богослужению* действовать прямо на развитие и укрепление *народных понятий*...».¹²

Рассматриваемые нами сочинения Макарова вполне вписывались в намеченную Киреевским программу народного чтения и служили восполнению явного недостатка печатной продукции, доступной простым людям не только по форме и содержанию написанного, но и по стоимости. Большая часть его «московских» рассказов, подобно «народной повести» Глинки, была адресована людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и могла стать руководством к действию — никогда не сдаваться, искать жизненную опору в вере и поддержку у власть имущих.

Материал для сочинения «рассказов о бедных» писатель получал из общения с простыми людьми во время многочисленных поездок по служебной надобности. Наиболее продуктивными в этом отношении были 1824–1826 годы, когда он состоял чиновником по особым поручениям при московском генерал-губернаторе А. Д. Балашове. Выполняя задания по статистической части, писатель ездил по всему московскому округу, Воронежской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Тульской землям, где проводил археологические исследования, собирал и записывал народные предания, легенды, сказания. Произведенные в эти годы записи послужили в дальнейшем изданию сборников «Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские» (1828),

¹⁰ Киреевский И. В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и прим. Ю. В. Манна. М., 1979. С. 225.

¹¹ Там же.

¹² Киреевский И. В. Записка о направлении и методах первоначального образования народа в России (1839) // Киреевский И. В. Критика и эстетика. С. 391.

«Русские предания» (1838–1840), а также для подготовки «Опыта русского простонародного словотолковника» (1848). Археологические и фольклористические изыскания привели также к созданию ряда лингвистических и этнографических работ.

Написанию «Московских рассказов о бедных» и «Московского калача» способствовала также благотворительная деятельность московского комитета Человеколюбивого общества, активным членом которого и попечителем городской части являлся Макаров. В предисловии к первому изданию «Московского калача» он сообщал, что «книжки» распространялись бесплатно, а «добрые» и «бедные» люди их «принимали <...> в милостыню».¹³ Бедственное положение героев этого сборника определялось обычными для простых людей обстоятельствами — сиротством, болезнью или потерей кормильца.

Напечатанные Макаровым «книжки для народа» были отмечены критикой журнала «Отечественные записки».¹⁴ Автор одной из заметок П. Н. Кудрявцев в целом благосклонно отнесся к «Московским рассказам о бедных», которые, хотя и не обладали, по его мнению, «собственно литературными достоинствами», были написаны «просто, без претензий, сообразно с понятиями простолюдинов» и преследовали благую цель — «ознакомить простой народ» с деятельностью Комитета для призрения просящих милостыню.¹⁵ В сентябрьском номере журнала за 1841 год публикацию рассказа «Московский калач» поддержал А. Д. Галахов, желая писателю «успеха на многие лета» в составлении «книжек» для бедных.¹⁶

Действительно, автор прямо адресует свои произведения простым людям. Язык рассказчика максимально приближен к простонародному. В частности, отмечаем использование в его речи характерного постфикса «-ся» вместо «-сь»: «перекреститесь», «научилась», «сбылось», «увиджуся», «решилась» и т. п. Другие особенности народной орфоэпии и морфологии воссоздают колорит непринужденного разговора малограмотного человека из народа: «срода» (сроду), «растеряция» (ресторация, т. е. ресторан, в контексте произведения — столовая), «оттудова», «лихоманка» (лихорадка), «отдох» (отдохнул), «енерал» (генерал), «суседнее» (соседнее), «трафлялось» (случалось). Ту же функцию выполняют просторечная лексика: «брякнулся» (упал), «барахтаться» (возиться); диалектные слова: «баять» (рассказывать), тавтологические словосочетания («деловые дела»); устойчивые разговорные выражения («там и сям»). Героям рассказов свойственно самоуничижение. В духе древнерусской традиции они определяют себя словами «грешница», «горькая» (т. е. несчастная), «бедняга», «убогая». Разговорный характер стилю придает применение частицы «-де» («помолюсь-де», «что-де», «у нас-де», «точнехонко-де», «с умилением-де»), присоединение к глаголам повелительного наклонения частицы «-ко» («отведи-ко», «ступай-ко», «поживай-ко», «глядитет-ко»), многочисленные архаизмы («аль», «кабы»).

В качестве рассказчика в свои «книжки для народа» Макаров вводит образ сочувствующего «бедным» отставного полковника Макария Тихоновича Быстрорецкого.¹⁷ Рассказчик наследует свойственное автору отношение к терпящим бедствия героям, а его автобиографичность объясняет и происхождение фамилии — от реки Быстрицы, протекающей вблизи его родной деревни Перекаль в Рязанской губернии.¹⁸

Язык произведений Макарова отличается орфоэпической и лексической своеобразностью, он формирует собственную поэтическую стилистику. Автору свойственно использование пословиц, поговорок, устойчивых сказовых формул: «пришла беда — отворяй ворота», «скорбь на деньги нейдет», «милостыня всех равняет», «не все вору сноров», «все в руках наших», «кто за чем идет — тот то и находит», «чем богат, тем

¹³ Макаров М. Н. Московский калач. М., 1841. С. 3.

¹⁴ Авторы рецензий установлены по изданию: Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки» 1839–1848: Указатель содержания. М., 1985. С. 95, 135, 212.

¹⁵ Отечественные записки. 1840. Т. XI. № 8. Разд. «Библиографическая хроника». С. 46.

¹⁶ Там же. 1841. Т. XVIII. № 9. Разд. «Библиографическая хроника». С. 16.

¹⁷ В статье В. П. Степанова в написании псевдонима писателя допущена опечатка: «Быстрицкий». См.: Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич. С. 470.

¹⁸ См.: Рыжкова-Гришина Л. В., Гришина Е. Н. Псевдонимы рязанских писателей // Российский научный журнал. 2017. № 3 (56). С. 175–186.

и рад»; «година вражья», «вымолвил слово ласковое», «долго ли», «добрый молодец», «напоили, накормили, в баню сводили». Из рассказанных Макарием Быстрорецким историй извлекается без искажения то, что Киреевский называл «народным мнением». В целом же его язык отличается близкой фольклору образностью и метафоричностью, крестьянский быт изображается путем детализации с оценочной характеристикой. Нередки слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что придает тексту дополнительную эмоциональную окраску и побуждает читателя к умиленнию обстоятельствами воссозданной в нем жизненной ситуации: «ручонки», «котомочка», «уголок», «окошечко», «ложечки», «старушка», «бабушка-голубка», «детушки», «сиротиночки», «малюточки», «батюшка», «барынька».

Критический анализ лексического состава текстов Макарова показывает, что стилизация речи простого народа приводит к перегруженности языка произведений просторечиями. Так, рассказ «О том, какой и где был самый древнейший быт...» он начинает с сообщения о предполагаемом читателе: «Ученым по мудрости людям этот рассказ мой придет ли в их толк привычной, кто их знает!? Мне не до них! Я морскую с своими и *своим*, моя речь *по-своему ж, по-нашински*».¹⁹ Выгодно в этом отношении отличается опыт Даля, которому удается избежать искусственности тона и говорить с читателем из народа органичным всякому русскому человеку языком. В предисловии к сборнику «Солдатские досуги» (1843) он обращается к своему читателю: «Так вот вам, ребята, книжка, которая написана не спроста, а с молитвою; в ней худа не найдете, а найдете одно добро. Она писана для солдат и, похвалюсь, писана таким, который сам сживал с вами за огоньком, пил из одной с вами манерки, ел казенные сухари и видел солдата не только в казарме да на учении, а видел его и в чистом поле».²⁰ Возможно, столь очевидное стилистическое различие может быть объяснено обстоятельствами биографии двух авторов. Странствия Макарова по русской глубинке всегда носили характер внешнего наблюдения, будь то поездка по личному желанию или служебной надобности, в то время как Даль собирал материал для своих «Солдатских досугов» в более тесном общении с солдатами, когда служил военным врачом во время русско-турецкой войны 1828–1829 годов, а в 1830-х — в столичном военно-сухопутном госпитале Санкт-Петербурга.

При том что Макаров не обладал присущим Далю языковым чутьем, стилистическое расхождение текстов не умаляет общности двигавших каждым из них благородных побуждений. Историями из жизни простых людей оба они утверждают правду народной нравственности, коренящейся в православии. Автор «московских» рассказов ставит акцент на дидактическом значении «чудесных» случаев избавления «бедных» от губительных обстоятельств жизни, которое они обычно получают в результате Божьего заступничества, а также частного или государственного попечительства. Семантическое поле «Солдатских досугов» гораздо шире, но и в них популярно изложенные сведения о происхождении мира и истории России сочетаются с бытовыми жизненными эпизодами, притчами, загадками, пословицами, поговорками. Рассказы Даля окрашены патриотическим чувством, а их жизненная мудрость подтверждается верой в Бога: «Отечество тебе колыбель и могила. Не отрекайся от земли Русской: да не отречется от тебя Господь».²¹ По справедливому замечанию современного исследователя, в адресованных служилым людям сборниках писатель решал комплексную задачу: дать «первоначальные знания о мире, о науках, расширить кругозор, дать развлечение во время отдыха».²²

Истории, рассказанные хорошо знавшим народные нужды отставным полковником Макарием Быстрорецким, открыто дидактичны, среди них преобладают поучительные случаи из жизни, но выделено значение «чудесного» избавления от несча-

¹⁹ Быстрорецкий М. [Макаров М. Н.]. О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского. Не для всякого, а токма про робят русских. М., 1843. С. 3.

²⁰ Даль В. И. Солдатские досуги // Даль В. И. Соч.: В 8 т. СПб., 1861. Т. 8. С. 90.

²¹ Там же. С. 122.

²² Юган Н. Л. Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В. И. Даля... С. 116.

стъя. Хронотоп «рассказов о бедных» ценностно маркирован и показывает ориентированность крестьянской жизни на православие в народной его интерпретации. Странствующие в поисках лучшей доли персонажи говорят о себе, что «идут именем Христовым», места благополучного проживания называют «Христовой гостиницей» и «Христовой светличкой». Добродетель для них — «благодать небесная» и несовместима с угождением плотским желаниям («жить припеваючи», «не дать маху»), а порок губителен. Рассказанные Быстрорецким истории свидетельствуют о горьких последствиях для того, кто не находит сил противостоять искушению и оказывается в «когтях дьявольских», под действием «дури бесовской», «дури поганой».

Хотя рассказчик в произведениях Макарова и постулирует свою близость к народу, все же указывает на определенную дистанцию между нуждающимся и попечителем, которую признают и сами персонажи. Так, пекарь Петр Петрович («Увольнение на поручительство») вспоминает: «...а за мною смотрят, как за малым за ребенком!.. води его на помочах; а не то и свое горло порежет»,²³ а в рассказе «Помещение в богадельню» о героине говорится, что «благородное начальство <...> как детскую колыбельку убрало ее добрым, надежным да сладким покоем».²⁴ Любопытна также одинаково радостная реакция на оказанное попечительство малолетнего Вани («Определение на службу») и пожилого солдата Хватского («Определение к месту»): «Ура! Нашему Отцу Милосердному Государю!»²⁵ Таким образом, в рассказах Макарова от лица рассказчика и персонажей утверждается идеальный, восходящий к патриархальному, библейскому укладу иерархический тип попечительства старшего по отношению к младшим, с одной стороны, и благодарное чувство опекаемого — с другой.

Религиозный пафос анализируемых рассказов Макарова подкрепляется обязательным обращением героев за помощью к Богу, Богородице, ангелам, святым. В повествование включаются цитаты из Священного Писания и фрагменты молитв, хорошо известных народу: «Слава тебе Господу Богу нашему!» (благодарение за всякое благодеяние Божие), «с нами Бог!» (Великое повечерие), «духом бодр был, да плоть-то немощна» (Мк. 14: 38), «Да не приемли имени Господа Бога твоего все!» (Исх. 20: 7), «Уповающему на Господа, Сам Он Спаситель щитом и крепостью...» (Пс. 27: 7), «Тот, Кто-де Иже Еси на Небеси!» (Мф. 6: 9, Лк. 11: 2), «всякое даяние благо, всяк дар совершен свыше» (Иак. 1: 17, заамвонная молитва). Поучительный смысл жизненных историй, рассказанных Макарием Быстрорецким, кратко выражен триединством: «молитва, покаяние, труд». Не случайной в этом контексте является также рецепция жанра и стиля евангельской притчи. Нами установлены следующие соответствия ее композиционным и стилистическим особенностям: параболы повествования, кольцевая композиция, учительная направленность текста на устное восприятие, сказовая стилизация, эмоциональность и патетичность речи, простой бытовой сюжет, предполагающий выход к духовно-ценностной области жизни. Произведения «московского» цикла ориентируются на сюжеты целого ряда евангельских притч: о неправедном судии (Лк. 18: 2–8) и о человеке, просящем хлеба в полночь у своего друга (Лк. 11: 5–10) («Билет на обеды», «Выздоровление», «Возвращение на родину» и др.), о заблудшей овце (Мф. 18: 10–14, Лк. 15: 4–7, Ин. 10: 1–16), о потерянной драхме (Лк. 15: 8–10), о мытаре и фарисее (Лк. 18: 10–14), о двух должниках (Лк. 7: 41–43), о верном слуге (Мф. 24: 42–51, Мк. 13: 33–37, Лк. 12: 35–48), о богаче и Лазаре (Лк. 16: 19–31), о неразумном богаче (Лк. 12: 16–31), о работнике, пришедшем с поля (Лк. 17: 7–10) («Новая хозяйка», «Определение к месту», «Увольнение на поручительство», «Помещение в богадельню»). Подобные приемы приближают текст к тому уровню знания и чувствования, который был близок человеку из народа.²⁶

²³ Макаров М. Н. Московские рассказы о бедных отставного полковника Макария Быстрорецкого: [В 3 кн.]. М., 1840. Последняя тетрадка. С. 8.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Макаров М. Н. Московские рассказы о бедных отставного полковника Макария Быстрорецкого. Еще одна тетрадка. С. 10.

²⁶ См.: Тангаева Н. И. Притчевый характер «Московских рассказов о бедных» М. Н. Макарова // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1. С. 103–118.

В изображенных Макаровым межличностных отношениях подчеркивается отличающаяся крестьянское сообщество патриархальность. Персонажи уважительно обращаются друг к другу, не называя полного имени, по отчеству: старушка Трофимовна, хозяйка Ивановна и ее подруга Антоновна, кума Андреевна, старушка Ильинична (в искаженно-просторечном произношении — «Илвинишна»), в то время как состоятельные благодетели именуются более уважительно: купцы Тихон Савельевич и Анисим Никитич, офицерская вдова Наталья Карповна (хоть и обедневшая, но не потерявшая статус) и ее сын Сергей Тихонович, священник Иван Герасимович. К рассказчику также обращаются не иначе как «родной батюшка Макарий Тихонович». Нельзя не заметить при этом, что отдельные сюжеты рассказов Макарова включают органичные простонародному быту элементы магизма. Так, героини рассказа «Новая хозяйшюшка», вернувшиеся к благополучной жизни, «прячут» свою «беду» в крепко запертом сундуке, сложенные в нем вещи («тряпье грязное, диристое») символизируют их прежнюю, несчастную жизнь. Таким образом подчеркивается синкретизм в народном быту дохристианских верований с каноническими формами христианской духовной жизни.

Сюжетно-фабульное построение рассказов Макарова также служит достижению дидактико-правоучительной цели. Писатель использовал как линейный принцип в последовательности событий, когда герои выходят из бедственного состояния при помощи благодетеля («Увольнение на поручительство», «Помещение в богадельню», «Определение на службу»), так и прием обратной композиции, когда сразу представляется результат «чудесных» перемен в жизни бедняка, после чего вскрываются обстоятельства предшествовавшего ему неблагополучия («Билет на обеды», «Выздоровление», «Помещение детей в ученье», «Возвращение на родину», «Московский калач»). В отдельных случаях сюжет строится на параллели: исправлению судьбы героя служит положительный пример другого человека («Новая хозяйшюшка», «Определение к месту», «Увольнение на поручительство»). Каждый из типов структурирования текста заставляет читателя сосредоточить свое внимание на проблеме нравственного выбора, который делает герой рассказа.

Наряду с правоучительностью, Макаров стремился и к просветительской направленности «книжек» для народного чтения. В этом аспекте напрашивается сравнение их со сборником «Сельское чтение», издаваемым в 1843–1848 годах В. Ф. Одоевским и А. П. Заблочким-Десятовским при поддержке В. И. Даля, М. Н. Загоскина, А. Ф. Вельтмана, В. А. Соллогуба и других авторов, которым близко было этнографическое направление в русской литературе. Значительная часть помещаемых в сборнике материалов носила обучающий характер, при том что научное знание адаптировалось авторами к восприятию малообразованным читателем. Н. В. Гусев отмечает преимущественно светский характер публикаций в «Сельском чтении».²⁷

Действительно, более половины всех рассказов, опубликованных в сборнике, касается самых разных областей знания: сельского хозяйства («О том, какой хлеб какую землю любит»), математики («О мерах, весах и деньгах»), зоологии («О том, что такое животное, как оно живет, что ему здорово и что нездорово»), ботаники («О том, что такое растение, как оно живет и чем оно питается»), медицины («Как дядя Ириной рассказывал о том, что такое чистота и к чему она пригодно»), картографии («Что такое чертеж земли, иначе план, карта, и на что все это пригодно»), географии («О том, что называется миром и что такое земля, и о том, как велико славное Русское государство и что в нем есть»), истории («Рассказ о том, какие православные государи царствовали в России после Петра Великого и какие дела сделала императрица Екатерина Великая»), литературы («Кто такой дедушка Крылов?»). Однако немаловажное значение, по нашему мнению, имеют рассказы, служащие не столько просвещению ума, сколько укреплению души и духа. Среди них выделяются истории правоучительные и обличительные. Первые — о том, как следует поступать, чтобы жить достойно: «Отец Василий», «Рассказы о том, как крестьянин Спиридон научал крестьянина Ивана не

²⁷ Гусев Н. В. Одоевский и альманашный тип издания в России 1820–1840-х годов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 2. С. 41–53.

пить вина и что из этого вышло», «Что крестьянин Наум твердил своим детям, наставляя их на добро»; вторые — о негативных проявлениях человеческого характера, доводящих до нищеты, тюрьмы или гибели близких: «Кто делает все на авось, у того все хоть брось», «Как узнается ленивый крестьянин», «Пить до дна — не видать добра», «Добра не забывай, обиду прощай». Совмещение дидактико-просветительского пафоса издания с утверждением православных ценностей, извлекаемых из народного быта, по замечанию А. А. Никодимовой, привело к тому, что в публикациях «Сельского чтения» «возник интересный синтез материалистических и теоцентрических представлений».²⁸

В большинстве рассказов «Сельского чтения» прослеживается опора авторов на этические ориентиры христианства, которые, в отличие от «ученых» аргументов, возможно малоубедительных для крестьянина, способны показать пользу образованности и добросовестного труда. Так или иначе, авторы утверждают мысль, которая сопровождается рассказанными Макаровым историями: «Молись и трудись; трудись и молись; в том — вся жизнь человека»;²⁹ «Трудящемуся Бог никогда не отказывает. <...> Кто любит труд и работу, тот любит добро».³⁰

Тематически публикациям «Сельского чтения» близка «книжка» Макарова «О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского...», в которой освещается вопрос о становлении российской государственности от племенных времен до призвания на княжение Рюрика. Как и в «Рассказе о том, откуда пошло русское государство, как оно было и какие великие дела в нем сделали православные государи» А. П. Заблоцкого, опубликованном в «Сельском чтении» на 1848 год, в целом исторический рассказ сюжетно отвечает летописанию Нестора. Однако Макаров дополняет текст соображениями, восходящими к сложившейся в Европе к концу XVIII века гипотезе о том, что Индия была прародиной всех индоевропейских языков. Известно, что, в числе других, ее придерживался Ф. Шлегель, чья философия определяла мировоззрение романтически настроенных «архивных юношей», к которым в начале своей службы принадлежал Макаров. Версия индийского происхождения славян была изложена им в цикле статей 1833 года «Листки из пробных листков для составления истории русских сказок».³¹ Согласно содержанию «Листков...», предки древних славян были выходцами из Индии — «подсолнечного королевства», о чем, по мнению автора, говорят экзотические образы русского фольклора — жар-птицы, златогривых коней, золотых рек с кисельными берегами, камней самоцветных и т. д. Обстоятельствам древнеславянской истории Макаров дает морально-нравственное объяснение: беззаботная и вполне благополучная их жизнь омрачилась завистью и взаимной враждой племен. В результате одни остались в «стране подсолнечной», другие разбрелись по Европейской равнине.

Первобытных предков славян Макарий Быстрорецкий сравнивает с детьми, которых, «как ребят малых, подманил он (иноземец. — Т. Ф., Н. Т.) красными своими придумками: новыми для нас, лесных людей, *полевыми игрушками*...».³² «Детскость» сознания славянских народов, обусловленная потерей исторической родины, по мнению рассказчика, сохраняется и сейчас, что вынуждает постоянно оглядываться на иноземцев, перенимать их обычаи и ремесла, даже когда это вредит собственной культуре. Таким образом, рассказ из русской истории оборачивается не столько просветительской, сколько дидактической своей стороной. Каждое описываемое событие трактуется как следствие Божьего Промысла о народе — избранной для него «законной меры».

²⁸ Никодимова А. А. «Сельское чтение» Владимира Одоевского: Монография. Тверь, 2018. С. 66.

²⁹ Сельское чтение: [В 4 кн.]. СПб., 1848. Кн. 3. С. 44.

³⁰ Там же. Кн. 1. С. 18.

³¹ См.: Тангаева Н. И. М. Н. Макаров об истории русской народной сказки (по журнальным публикациям 1830–1833 годов) // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 3/56. С. 87–98.

³² Быстрорецкий М. [Макаров М. Н.]. О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского... С. 25.

Своеволие праславянских племен названо причиной, повлекшей тяжелые для них последствия, преодолеть которые возможно единственным способом — молитвой и твердостью в православной вере.

Адресуя исторический рассказ малообразованному читателю, Макаров стремится выстроить доверительные отношения с ним, называет слушателей «ребята», «голубчики», «ребятушки», «братцы-товарищи», «молодчики», постоянно активизирует внимание призывами: «слушайте», «вспомните», «скажу я вам», «смекайте», «думай», «поняли?». Чтобы история была доступнее для понимания, в конце книжки он приводит краткий (в 21 лексическую единицу) словарь с толкованием «не всякому известных слов», например: «первобыт» — «начало бытия, жизни», «планида» — «планета, участь жизни», «свар» — «сброд, окоп», «сивир» — «север, холод» и др. Нельзя не заметить, что в большей своей части авторские интерпретации и ассоциации наивны: хижины и землянки, строившиеся предками славян, названы прообразами царских и княжеских дворцов; имя сказочного царя Гороха возведено толкователем к слову «городах» (по Макарову — «установщик строя, строитель, царь; начальник огорожи, властитель города, отец семейства»).³³ Вряд ли слово «городах» в этом значении он где-то слышал и записал, поскольку не включил его в «Опыт русского простонародного словотолковника». Однако соединение в логическую цепочку однокоренных и близких по звучанию слов: «город», «огород», «горох» — свидетельствует о наблюдательности автора, интуитивно уловившего своеобразие речевой и мыслительной деятельности народа. Говоря современным языком, это своеобразие определяется мифологическим типом сознания, закрепляющим в наименовании вещи живое впечатление от соприкосновения с ней в качестве слова-образа, о котором писал А. А. Потебня.

Помимо словаря, к тексту добавлены подстрочные сноски с разъяснением отдельных исторических фактов. Однако, как мы заметили, сноски служат не столько популяризации знания, сколько обоснованию точки зрения Макарова, они включают не только общедоступные издания, такие как «Кормчая книга» и «Повесть временных лет», но и труднодоступные: «Новейшая всеобщая география» (1809) У. Гутри, рукопись И. Гайзлера (польского врача, этнографа-любителя³⁴), «Историко-критическое исследование о руссах и славянах» (1842) Ф. Л. Морошкина. Эпизоды основного повествования писатель уточняет и комментирует, изредка делает прямые отсылки к текстам привлекаемых источников.

«Книжка» «О том, какой и где был самый древнейший быт ныне православного государства русского...» подверглась в заметке «Отечественных записок» строгой критике Кудрявцева. Автор указал на непрофессионализм Макарова в обращении с историческими фактами, вольные допущения в истолковании этимологии славянских названий и имен; в отношении к адресатам — «русским ребятам» — отмечал наивную уверенность в том, что сказки о жар-птицах и волшебных королевичах, якобы существовавших на заре славянской цивилизации, могут иметь значение реальной благотворительной поддержки нуждающихся. Свою рецензию Кудрявцев завершает словами: «О, пощадите нас, г. Быстрорецкий! Не напускайте тумана на эти беззащитные головы! Не раздавайте хотя даром вашей мудрости: пусть, по крайней мере, она останется безвредною».³⁵

Гипотеза индоевропеизма была довольно широко распространена в России 1820–1830-х годов, но не принята научным сообществом, тогда как для Макарова недостаточная ее обоснованность не была препятствием для применения в комментариях к фольклорным текстам. По справедливому замечанию В. П. Степанова, не только безвестный

³³ Там же. С. 17.

³⁴ Рукопись Гайзлера, на которую ссылается Макаров, нам не известна. Опираясь на материалы его статьи 1846 года «Несколько историко-филологических заметок к словарю г. Линде по букве К» (Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1846. № 4. С. 37–42), можно предположить, что она содержала заметки по славянской филологии с попытками этимологического толкования славянских топонимов, мифологических и летописных имен.

³⁵ Отечественные записки. 1843. Т. XXXI. № 11. Разд. «Библиографическая хроника». С. 9–11.

документ, но и любой случайный рассказ писатель склонен был трактовать как «предание» при «возможности его исторического приурочивания». ³⁶ Да и сам писатель сетовал на отсутствие системы в его разрозненном собрании фактов и свидетельств. Вместе с другими своими современниками, страстными любителями и собирателями древностей, он опережал время, действуя интуитивно, без соответствующих навыков научной обработки собранных материалов. Историческая методология в России первой половины XIX века находилась в стадии становления. Оставаясь верным романтической трактовке истории, Макаров интерпретировал «предание» исходя из собственных представлений и размышлений о современной ему российской действительности.

Подводя итог, заметим, что своими «книжками для народа» 1840-х годов Макаров внес значительный вклад в развитие русского литературного этнографизма. Сочинениям писателя была свойственна стилистика, соответствующая простонародной фольклорно-сказовой традиции, а нравоучительный пафос рассказа «из первых уст» типологически близок евангельской притче. Макаров адаптировал к восприятию малограмотного читателя отвлеченные понятия, согласовывая их с обыденными для крестьян предметами и образами. В целом он следовал в развитии печати для народа направлению, определенному Ф. Н. Глинкой и поддержанному старшими славянофилами, видевшими ее назначение в том, чтобы «утешить трудолюбивых питателей наших, возбудить в них благоговение к Вере отцов, надежду на Провидение, любовь к родным и родине, приверженность к Государю, уважение к порядку и властям; укрепить узы согласия супружеского и связи семейные и, наконец, помирить, сдружить поселянина с состоянием, в котором он рожден...». ³⁷ Ориентируя свои издания на практическую пользу, Макаров служил распространению в России религиозно-воспитательной и образовательно-просветительской книги для народного чтения.

³⁶ Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич. С. 470.

³⁷ Глинка Ф. И. Письма к другу / Сост., вступ. статья и комм. В. П. Зверева. М., 1990. С. 384.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-113-121

© А. А. Петров

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКАХ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Генезис антинигилистического романа — одна из центральных проблем, которая встает перед исследователями этого явления литературы XIX века. Традиционно первым антинигилистическим произведением русской литературы было принято считать роман И. С. Тургенева «Отцы и дети», опубликованный в 1862 году. Этой точки зрения придерживались некоторые современники (например, М. А. Антонович),¹ а вслед за ними — крупнейшие раннесоветские исследователи антинигилистической прозы, например А. Г. Цейтлин.² В дальнейшем эта концепция начала пересматриваться, очевидно, в том числе и для того, чтобы «очистить» репутацию закрепившегося в советском каноне классика от связи с «реакционно-охранительной беллетристикой».³ На современном

¹ Антонович М. А. «Новь», роман г. Тургенева // Тифлисский вестник. 1877. № 93.

² Цейтлин А. Г. Сюжетика антинигилистического романа // Литература и марксизм. 1929. № 2. С. 33–47.

³ Сорокин Ю. С. Антинигилистический роман // История русского романа: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 97–120; Батюто А. И. Антинигилистический роман 60–70-х годов // История русской литературы: В 4 т. Л., 1982. Т. 3. Расцвет реализма. С. 279–314.

34. *Pushkin A. S.* Soch. Kommentirovannoe izdanie. M., 2016. Vyp. 3. Stikhotvoreniia iz «Severnykh tsvetov» 1832 goda.
35. *Pushkin A. S.* Stikhotvoreniia / Izd. podg. L. S. Sidiakov. SPb., 1997 (ser. «Literaturnye pamiatniki»).
36. *Pushkin v prizhiznnoi kritike.* SPb., 2001. [Vyp. 2]. 1828–1830.
37. *Pushkinskaia entsiklopediia. Proizvedeniia.* SPb., 2012. Vyp. 2. E–K.
38. *Rak V. D. Khafiz* // *Pushkin: Issledovaniia i materialy.* SPb., 2004. T. XVIII/XIX. *Pushkin i mirovaia literatura. Materialy k «Pushkinskoi entsiklopedii».*
39. *Sadykhov M.* Sud'ba soedinila nas... // *Literaturnyi Azerbaidzhan.* 1974. № 5.
40. *Shams-Yadolahi Z.* Le retentissement de la poésie de Hâfiez en France: Réception et traduction. Uppsala, 2002.
41. *Tartakovskii P. I.* Russkaia poeziia i Vostok. 1800–1950: Opyt bibliografii. M., 1975.
42. *Thompson E. M.* Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism. Westport; London, 2000.
43. *Tynianov Iu. N.* *Pushkin i ego sovremenniki.* M., 1969.
44. *Vatsuro V. E.* «Severnye tsvety». Istoriia al'manakha Del'viga — Pushkina. M., 1978.
45. *Yohannan J. D.* The Persian Poetry Fad in England, 1770-1825 // *Comparative Literature.* 1952. Vol. 4. № 2.
46. *Zhuikova R. G.* Portretnye risunki Pushkina: Katalog atributsii. SPb., 1996.

Татьяна Васильевна Федосеева

профессор кафедры литературы и журналистики
факультета русской филологии и национальной культуры
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина

Tatiana Vasilyevna Fedoseyeva

Professor, Department of Literature and Journalism,
Faculty of Russian Philology and National Culture,
S. Yesenin Ryazan State University

ORCID: 0000-0002-5540-5051

predromantism@yandex.ru

Наталья Ивановна Тангаева

доцент кафедры иностранных языков с курсом русского языка
Рязанского государственного медицинского университета
имени академика И. П. Павлова

Natalia Ivanovna Tangaeva

Associate Professor, Department of Foreign Languages with a Russian language course,
Ryazan State Medical University named after academician I. P. Pavlova

ORCID: 0000-0002-6196-7587

tamantina@mail.ru

«КНИЖКИ ДЛЯ НАРОДА» В РОССИИ 1840-х ГОДОВ:

М. Н. МАКАРОВ

«BOOKS FOR THE FOLK» IN RUSSIA OF THE 1840s:

M. N. MAKAROV

Рассказы М. Н. Макарова 1840–1843 годов исследуются с применением жанрово-стилевого и контекстуального видов анализа с аксиологическим комментированием. Отмечены особенности

простонародной стилистики и фольклорно-сказовая традиция, а также нравоучительный пафос и поэтика, близкие евангельской притче. С художественно-поэтической и функциональной точки зрения они близки сочинениям для народного чтения Ф. Н. Глинки, В. И. Даля, публикациям журнала В. Ф. Одоевского и А. П. Заблоцкого-Десятовского «Сельское чтение».

Ключевые слова: М. Н. Макаров, литература для народа, фольклоризм, евангельская традиция, Ф. Н. Глинка, В. И. Даль, «Сельское чтение».

The article examines the short stories by M. N. Makarov of 1840–1843, using the genre-style and contextual analysis with axiological commentary. The features of the vernacular stylistics and of the fairytale folklore tradition are outlined, moral pathos and poetics, both of them reminiscent of the Gospel parable, are discussed. From the poetical and the functional perspective, they correlate with the pieces for the common people produced by F. N. Glinka and V. I. Dal', as well as with the works published in the *Rural Reader* magazine by V. F. Odoevsky and A. P. Zabloysky-Desyatovsky.

Key words: M. N. Makarov, literature for common people, folklore, Evangelic tradition, F. N. Glinka, V. I. Dal', *Rural Reader* (*Sel'skoe Chtenie*) magazine.

Список литературы

1. Базанов В. Г. От фольклора к народной книге. Л., 1983.
2. Бוגрад В. Э. Журнал «Отечественные записки» 1839–1848: Указатель содержания. М., 1985.
3. Глинка Ф. И. Письма к другу / Сост., вступ. статья и комм. В. П. Зверева. М., 1990.
4. Гусев Н. В. Одоевский и альманашный тип издания в России 1820–1840-х годов // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2012. № 2.
5. Иванова Т. Г. Макаров Михаил Николаевич // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв.: В 5 т. СПб., 2018. Т. 3.
6. Киреевский И. В. Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и прим. Ю. В. Манна. М., 1979.
7. Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1810-х годов // Поэты 1790–1810-х годов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подг. текста М. Г. Альтшуллера; вступ. заметки, биогр. справки и прим. М. Г. Альтшуллера и Ю. М. Лотмана. Л., 1971 (Библиотека поэта. Большая сер.).
8. Никодимова А. А. «Сельское чтение» Владимира Одоевского: Монография. Тверь, 2018.
9. Рыжкова-Гришина Л. В., Гришина Е. Н. Псевдонимы рязанских писателей // Российский научный журнал. 2017. № 3 (56).
10. Степанов В. П. Макаров Михаил Николаевич // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь: В 5 т. М., 1994. Т. 3.
11. Тангаева Н. И. М. Н. Макаров об истории русской народной сказки (по журнальным публикациям 1830–1833 годов) // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 3/56.
12. Тангаева Н. И. Притчевый характер «Московских рассказов о бедных» М. Н. Макарова // Проблемы исторической поэтики. 2018. Т. 16. № 1.
13. Тиманова А. Р., Тиманова О. И. Связанность российской «книги для народного чтения» с попечительством о народе как социокультурная традиция XIX столетия // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 2 (34).
14. Федосеева Т. В. «Русское национальное песнопение» (1809) М. Н. Макарова в контексте зарождения русской фольклористики // Рязанский край в контексте русской литературы: Очерки регионального литературоведения. Рязань, 2017.
15. Шаповалова Г. Г. Опыт создания первых книг для народа («Матросские досуги» В. И. Даля) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1963. Вып. II / Отв. ред. Р. С. Липец, В. К. Соколова.
16. Юган Н. Л. Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В. И. Даля как книги для народного чтения // Вісник Запорізького національного університету. Філологічні науки. 2009. Т. 2. № 2.

References

1. Bazanov V. G. Ot fol'klora k narodnoi knige. L., 1983.
2. Bograd V. E. Zhurnal «Otechestvennye zapiski» 1839–1848: Ukazatel' soderzhaniia. M., 1985.

3. Fedoseeva T. V. «Russkoe natsional'noe pesnopenie» (1809) M. N. Makarova v kontekste zarozhdeniia russkoi fol'kloristiki // Riazanskii kraj v kontekste russkoi literatury: Ocherki regional'nogo literaturovedeniia. Riazan', 2017.
4. Glinka F. I. Pis'ma k drugu / Sost., vstup. stat'ia i komm. V. P. Zvereva. M., 1990.
5. Gusev N. V. Odоеvskii i al'manashnyi tip izdaniia v Rossii 1820–1840-kh godov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika. 2012. № 2.
6. Iugan N. L. Sborniki «Soldatskie dosugi» i «Matrosskie dosugi» V. I. Dalia kak knigi dlia narodnogo chteniia // Visnik Zaporiz'kogo natsional'nogo universitetu. Filologichni nauki. 2009. T. 2. № 2.
7. Ivanova T. G. Makarov Mikhail Nikolaevich // Russkie fol'kloristy: Biobibliograficheskii slovar'. XVIII–XIX vv.: V 5 t. SPb., 2018. T. 3.
8. Kireevskii I. V. Kritika i estetika / Sost., vstup. stat'ia i prim. Iu. V. Manna. M., 1979.
9. Lotman Iu. M. Poezii 1790–1810-kh godov // Poety 1790–1810-kh godov / Vstup. stat'ia i sost. Iu. M. Lotmana; podg. teksta M. G. Al'tshullera; vstup. zametki, biogr. spravki i prim. M. G. Al'tshullera i Iu. M. Lotmana. L., 1971 (Biblioteka poeta. Bol'shaia ser.).
10. Nikodimova A. A. «Sel'skoe chtenie» Vladimira Odоеvskogo: Monografiia. Tver', 2018.
11. Ryzhkova-Grishina L. V., Grishina E. N. Pseudonimy riazanskikh pisatelei // Rossiiskii nauchnyi zhurnal. 2017. № 3 (56).
12. Shapovalova G. G. Opyt sozdaniia pervykh knig dlia naroda («Matrosskie dosugi» V. I. Dalia) // Ocherki istorii russkoi etnografii, fol'kloristiki i antropologii. M., 1963. Vyp. II / Otv. red. R. S. Lipets, V. K. Sokolova.
13. Stepanov V. P. Makarov Mikhail Nikolaevich // Russkie pisateli 1800–1917. Biograficheskii slovar': V 5 t. M., 1994. T. 3.
14. Tangaeva N. I. M. N. Makarov ob istorii russkoi narodnoi skazki (po zhurnal'nym publikatsiiam 1830–1833 godov) // Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3/56.
15. Tangaeva N. I. Pritchevyi kharakter «Moskovskikh rasskazov o bednykh» M. N. Makarova // Problemy istoricheskoi poetiki. 2018. T. 16. № 1.
16. Timanova A. R., Timanova O. I. Sviazannost' rossiiskoi «knigi dlia narodnogo chteniia» s popechitel'stvom o narode kak sotsiokul'turnaia traditsiia XIX stoletii // Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv. 2013. № 2 (34).

Андрей Алексеевич Петров

аспирант филологического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Andrey Alekseevich Petrov

PhD Student, Faculty of Philology, St. Petersburg State University

ORCID: 0009-0004-2172-0768

sinavitrivor@mail.ru

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОКАХ АНТИНИГИЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

THE POSSIBLE ORIGINS OF THE ANTI-NIHILISTIC DISCOURSE IN RUSSIAN LITERATURE

Статья посвящена проблеме генезиса антинигилистического дискурса русской литературы XIX века. При выборе в качестве объекта исследования именно дискурса вопрос о генезисе антинигилистической линии в русской литературе решается по-новому: предпосылки ее зарождения связываются с традицией изображения героев-вольтерьянцев, в первую очередь в драматургии XVIII века.

Ключевые слова: нигилизм, антинигилистический роман, комедия, Вольтер, В. И. Аско-ченский.